

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44
Р79

Ротшильд, Ги де.
p79 Миром правят Ротшильды : история моей семьи / Ги де Ротшильд ; [пер. с фр. В. Мазо]. — Москва : Алгоритм, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-906979-98-8

Автор этой книги барон Ги де Ротшильд — банкир, член финансовой династии Ротшильдов. Он был председателем совета директоров банка de Rothschild Freres, владел имуществом в других французских и иностранных компаниях.

Многие считают, что Ротшильды и сегодня правят миром, оставаясь одной из самых могущественных финансовых групп (ее общее состояние оценивается в 1,7 триллиона долларов). Так ли это, на чем основывается богатство Ротшильдов, как они ведут дела, какова их роль в международной политике, как строится личная жизнь? Ги де Ротшильд раскрывает всю историю своего дома.

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-906979-98-8

© Ротшильд Ги де (Rothschild G. de),
правообладатели, 2017
© Перевод с французского В. Мазо, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Ги де Ротшильд

**МИРОМ ПРАВЯТ РОТШИЛЬДЫ
ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ**

Редактор *О.В. Селин*
Художник *И.М. Хотич*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.01.2018.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-98-8

9 785906 979988 >

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия. Семейство Ротшильдов</i>	6
Мой отец и моя мать	11
Дом Ротшильдов	20
Кризис и «конец света»	35
Закон о статусе евреев	67
Бегство в Америку	84
На грани гибели	93
«Свободная Франция»	112
Возрождение банка Ротшильдов	139
Железо и нефть	151
Новый «Банк Ротшильдов»	158
Политик «из конюшни Ротшильдов»	167
Революция 1968 года	181
Наша транснациональная корпорация	190
«Прощай, Ротшильд!»	209
Дела семейные	226
<i>Вместо заключения. Верность своему народу...</i>	254

Вместо предисловия

СЕМЕЙСТВО РОТШИЛЬДОВ

Семейство Ротшильдов, известное также как Дом Ротшильдов, ведет свое начало с Майера Амшеля Ротшильда (1744 — 1812). Фамилия происходит от внешнего вида эмблемы ювелирной мастерской, принадлежавшей Анхелю Мозесу Бауэру (отцу Майера Амшеля Ротшильда): эмблема мастерской представляла собой изображение золотого римского орла на красном щите. Со временем мастерскую так и стали называть «Красный щит». Позже его сын взял себе фамилию по названию мастерской «Красный щит» или «Rotschild».

Родившись в еврейском квартале между городской стеной и рвом, Майер Амшель построил банковский бизнес и расширил свою империю, послав пять своих сыновей в европейские столицы. Имея сыновей, рассеянных по всей Европе, каждый из которых стоял во главе банкирского дома, семья Ротшильдов с легкостью могла убедить любое правительство, что ему следует продолжать выплачивать долги, иначе против страны должника будет применена сила в соответствии с «политикой силового равновесия».

Братья могли финансировать обоих участников конфликта, тем самым обеспечивая себе не только выплату долгов должником, но и создание огромных состояний финансированием войны.

В то же время Майер Ротшильд создал новый тип международной фирмы, который был защищен от антисемитских бунтов. В 1819 году, как будто для демонстрации того, что недавно приобретенные еврейские права до сих пор

иллюзорны, антисемитское насилие вспыхнуло во многих частях Германии. Эти погромы включали в себя и штурм дома Ротшильдов во Франкфурте. Это ничего не изменило, так же как и последующая атака во время революции 1848 года.

* * *

Существенной частью стратегии Майера Ротшильда для будущего успеха было сохранение контроля над бизнесом в руках династии, позволяющего ее членам поддерживать полную свободу действий как в размере богатств, так и в их деловых достижениях.

В 1906 году еврейская энциклопедия отметила: «Инициированная Ротшильдом практика учреждения нескольких отделений фирмы, управляемых братьями, в различных финансовых центрах была перенята другими еврейскими финансистами, такими как *Bischoffsheims*, *Pereires*, *Seligmans*, *Lazards* и другие, и эти финансисты, посредством их надежности и финансового опыта, получили доверие не только от еврейских собратьев, но и от всего финансового сообщества в целом. Тем самым еврейские финансисты получили увеличенную долю в международных финансах в течение середины и последней четверти XIX века. Эта практика подражает *royal and aristocratic technique* (англ. — *члены одной королевской семьи женятся на членах другой королевской семьи*), которая также позже была скопирована другими династиями предпринимателей, например, такой как династия Дюпонов».

Майер Ротшильд успешно сохранил богатство внутри семьи, тщательно организуя браки по расчету, включая браки между двоюродными и троюродными родственниками (чтобы накопленное имущество осталось внутри семьи и служило общему делу), хотя в конце XIX века почти все Ротшильды начали заключать браки за пределами се-

мы, обычно с семьями аристократов или других финансовых династий.

* * *

К началу Наполеоновских войн (1803-1815) Ротшильды уже обладали значительным богатством, и сын Майера Ротшильда — Натан Майер Ротшильд добился значительного преимущества в торговле слитками золота. Находясь в Лондоне в период с 1813 по 1815 год, он финансировал перевозку слитков золота для армии герцога Веллингтона, пересекавшей Европу, так же как организовывал оплату британских субсидий для континентальных союзников. В 1815 году Ротшильд в одиночку выдал заем британским континентальным союзникам в суммарном размере £9,8 миллиона (в ценах 1815 года).

Братья координировали деловую активность Ротшильдов по всему континенту, и семья развила сеть из агентов, поставщиков и курьеров для транспортировки золота. Семейная сеть также обеспечивала Натана Ротшильда политической и финансовой информацией раньше всех, давая ему преимущества времени на финансовых рынках, тем самым делая дом Ротшильдов еще более неоценимым для британского правительства.

В 1817 году Ротшильды получили дворянство, а в 1822 году — баронский титул и теперь использовали фамильную приставку «де» или «фон» (в немецком варианте) как указание на аристократическое происхождение. Их герб был украшен девизом «Concordia. Integritas. Industria» («Согласие. Честность. Трудолюбие»).

* * *

Возведение в дворянство изменило стиль жизни Ротшильдов. Они приобрели роскошные дворцы, стали давать великолепные обеды, на которые съезжались пред-

ставители аристократических кругов многих стран. К концу XIX века семья Ротшильдов обладала, по наименьшей оценке, более чем 40 дворцами, соизмеримыми или даже превосходящими по роскоши дворцы богатейших королевских семейств.

Когда в начале Второй мировой войны австрийские и французские Ротшильды были вынуждены эмигрировать в США, все их дворцы, отличавшиеся исключительными размерами, огромными коллекциями картин, доспехов, gobеленов и статуй, были конфискованы и разграблены нацистами. В 1999 году правительство Австрии согласилось вернуть Ротшильдам ряд дворцов и 250 предметов искусства, конфискованных нацистами и отданных в государственный музей.

Но даже войдя в аристократическую элиту Европы, Ротшильды всегда помнили о своих еврейских корнях, — семейные архивы Ротшильдов говорят, что в течение всего лишь одного десятилетия 1870-х годов семья жертвовала около 500 000 франков ежегодно от лица восточных евреев для Всемирного еврейского союза (*Alliance Israélite Universelle*).

Барон Эдмон Джеймс де Ротшильд был главой первого поселения в Палестине в Ришон-ле-Цион — он выкупил у османского землевладельца часть земель, которые в настоящее время составляют Израиль. В Тель-Авиве есть улица, названная в честь Эдмона де Ротшильда — *Rothschild Boulevard*, — так же как и во многих других районах Израиля, где он помогал со строительством: в Метуле, Зихрон-Якове и Рош-Пинне.

Ротшильды сыграли значительную роль в установлении инфраструктуры израильского правительства. Джеймс финансировал строительство Кнессета в качестве подарка еврейскому государству, а здание Верховного Суда Израиля было подарено Израилю Дороти де Ротшильд.

* * *

Многие считают, что Ротшильды и сегодня правят миром, оставаясь одной из самых могущественных финансовых групп. Общее состояние группы в 2012 г. оценивали в 1,7 триллиона долларов.

По словам английской газеты The Daily Telegraph, «эта международная банковская династия является символом богатства, власти — и свободы действий. Имя Ротшильдов стало синонимом власти и денег такой величины, которой больше нет ни у какой другой династии».

А в свое время Майер Ротшильд так подвел итог своей стратегии: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто создает ее законы»...

По материалам Ральфа Эпперсона и публикаций во Всемирной электронной энциклопедии.

МОЙ ОТЕЦ И МОЯ МАТЬ

Мой отец, Эдуард де Ротшильд, был на шестнадцать лет старше моей матери. Высокий, стройный, с тонкими правильными чертами лица, с орлиным профилем, он отличался какой-то особой, лишь ему присущей элегантностью. И это не относилось только к его одежде, хотя здесь уж он был педантом и не расставался с крахмальными воротничками никогда; исключения составляли лишь охота и игра в гольф. Его манеру одеваться нельзя было охарактеризовать однозначно — он не был ни старомодным, ни франтом: представить себе его стиль в одежде можно, подчеркнув, что это было некое особое сочетание оригинальности, простоты и традиционности, составлявшее в конечном итоге его особый «шик», присущий только ему и не имевший в основе ничего смешного, обязательного или формального. Так, например, из уважения к традиции он продолжал председательствовать на общем собрании «Компани дю Нор», будучи облаченным в старомодный редингот, который не носили с конца XIX века!

Он сохранял также свои привычки, которые для тех, кто его не знал, могли показаться дурачеством и желанием выделиться. Единственный, он разъезжал по Парижу до середины 30-х годов на старом электромобиле, этом доисторическом монстре, напоминавшем большое незапряженное ландо: шофер сидел в нем, как кучер на козлах, и перед ним не было ничего.

Одной из наиболее примечательных черт моего отца была его спиритическая способность проникновения в природу вещей и явлений. Так, он мог, к примеру, предста-

вив себе обожаемого им Наполеона I, вступить с ним в воображаемую беседу и невозможно произнести: «Наполеон мне сказал, что...».

Что же касается кардинальных жизненных вопросов, таких как честь семьи, защищать которую он считал своим долгом, или борьба с антисемитизмом, то в этих вопросах он был непоколебим, честь была для него первой заповедью. Пару раз, оскорбленный антисемитами, он дрался на дуэли, к счастью, без последствий...

Я никогда не задавал отцу вопросов о том, какова его роль в банке на улице Лаффит, не имел понятия о том, что там происходит, и что он там делает. Это полное отсутствие информации могло показаться даже подозрительным, но, с другой стороны, если бы что-то произошло, мы все равно узнали бы об этом хотя бы по каким-то обрывочным слухам. Как бы то ни было, моему изумлению не было предела, когда, пройдя военную службу, я пришел работать в банк и увидел там отца совсем другим, не таким, каким он был дома. Он часто гневался на своих сотрудников, хотя их исполнительность была несомненной, отсутствие собственной инициативы в делах — очевидным, а покорность отцу — полной. Но все равно он опасался того, что даже при такой пассивности сотрудников где-то да проскользнет какая-то не согласованная с ним инициатива, что будет что-то сказано или сделано вопреки ему, или в дела вкрадется какая-нибудь ошибка, последствия которой навек скомпрометируют Дом Ротшильдов. Такая позиция отражала, без сомнения, его собственную внутреннюю борьбу между сознанием необходимости действовать и страхом ошибиться. Я чувствовал себя неловко от такого поведения отца и принял раз и навсегда решение полагаться в жизни прежде всего на себя самого.

Со мной отец на работе и дома неизменно оставался таким, каким я его всегда знал, — нежным и приветливым,

и я постепенно привык к тому, что в нем уживаются как бы два разных человека: деловой человек, который всегда на чеку, и отец, терпеливый и великодушный.

После молниеносно проигранной кампании 1940 года я нашел в эмиграции в Америке уже совсем пожилого человека, в том возрасте, когда бессмысленно упрекать за прошлые слабости. Оставаясь непоколебимым в своем видении мира, отец после возвращения во Францию становился день ото дня все более рассеянным и мечтательным. Видно было, что ему все труднее становится бороться со старческими недугами. Умер он в 1949 году в возрасте восьмидесяти одного года.

* * *

Моя мать, Жермена Альфен, происходила из состоятельной буржуазной семьи французских евреев. Черноглазая брюнетка, она имела некоторую тенденцию к полноте и поэтому всю жизнь ограничивала себя в еде. Она не была мечтательницей и твердо стояла обеими своими ножками на земле. Она была по природе практична и твердо держала бразды правления всем нашим хозяйством в своих руках.

Для моих сестер и для меня авторитетом и воплощением родительской воли была в первую очередь мать. Она была властной по природе и стремилась навязать нам свое видение мира. Даже в лицее я не получил той свободы, которой обычно пользуются лицеисты. Моя мать, например, в императивной форме, не допуская никаких возражений, требовала, чтобы ни при каких обстоятельствах я не ходил в лицей один. Мало того, что меня отвозили на машине, меня еще сопровождал «выездной лакей». В полдень, когда я возвращался из лицея пешком, выполняя ежедневные «упражнения для ног» — моцион, предписанный мне матерью, — тот же самый лакей приходил за мной, а по-

том, после второго завтрака, провожал меня обратно в лицей! Странная навязчивая идея моей матери — встречать и провожать меня — объяснилась для меня только через десятки лет, когда я задал ей вопрос о причинах этой непонятной тревоги:

— Ну сейчас, наконец, можешь сказать мне, чего ты все-таки боялась? — спросил я.

И она ответила мне с наивной прямоотой, немного смутившись:

— Да, конечно, я боялась, что тебя могут изнасиловать!

Я вспоминаю еще об одной «идее-фикс» моей матери, рожденной, без сомнения, из тех же опасений. Однажды, когда мне было лет десять-двенадцать, я пошел на каток один. Когда я вернулся, мама спросила меня: «Скажи, ты там не познакомился с какими-нибудь дамами? Ведь ты понимаешь, что они могли и не знать того, что ты еще совсем мальчик!»...

Лишь достигнув восемнадцатилетнего возраста и став взрослым и независимым в глазах моей матери, я смог наладить непринужденные отношения с ней, но мои сестры всю жизнь продолжали страдать от ее постоянной опеки. И хотя основным мотивом в ее отношениях с дочерьми была забота о них, там были и другие подсознательные мотивы: через дочерей она хотела реализовать то, чего ей самой в жизни не хватало, а не хватало ей легкости и непринужденности существования, окруженности миром художников и музыкантов.

По правде говоря, в течение всех 30-х годов в окружении моих родителей было немало художников и музыкантов. Альфред Корто, Яша Хейфец, Иегуди Менухин, Владимир Горовиц часто посещали наш дом. Близким другом семьи был Артур Рубинштейн. Бойкий молодой человек, живший в маленьком домике на улице Равиньян на Мон-

мартре, он казался заядлым холостяком, пока не привез из Польши красавицу Неллу. Много лет спустя их дети продолжали регулярно посещать мою мать. Еще совсем недавно моя жена и я слушали с упоением бесконечные истории из жизни Артура, которые буквально сыпались из него, и которые он рассказывал так выразительно и с таким юмором, что нельзя было не подпасть под его неизменное обаяние.

Мама скрупулезно исполняла все обязанности светской жизни: писать, отвечать, составлять списки приглашенных, приглашать, принимать, выезжать. Для человека просвещенного, свободного от условностей, сознательно приверженного моральным ценностям, она была как-то странно зависима от той роли, которую она, по ее понятиям, должна была играть в обществе. Она принимала с присущей ей элегантностью в льстящей ей обстановке, среди богатейших коллекций предметов искусства и старины, собранных нашей семьей, и хоть она и старалась не показывать этого, чувствовалось, что ей это льстит.

Если она вдруг чувствовала, что ее роли королевы-матери что-то угрожает или просто опасалась даже такой возможности, то могла стать агрессивной. Когда моя жена и я после реставрации вновь открыли двери замка Феррьер и давали там свой первый прием, я вдруг услышал от матери, меж двух улыбок вежливости, ворчливые замечания с критикой по поводу вкуса реставрационных работ, проведенных без ее участия. Все, что ускользало от ее бдительного внимания, вызывало в ней плохо скрываемое раздражение, легко объяснимое с учетом ее властной натуры...

Не будучи в полном смысле так называемой «интеллектуалкой», она была открыта для самых разных знаний. Вечная ученица, прилежная и внимательная, она принимала у себя разных «гуру» от философии, живописи, музыки... Увлечшись учением какого-нибудь очередного гуру, она

всякий раз теряла критическое начало и свято верила каждому его слову. Учиться и познавать новое было для нее всегда удовольствием. В молодости она попробовала свои силы в пении, но безуспешно. А в восемьдесят лет она решила брать уроки плавания!

Она много читала, особенно с тех пор, как овдовела и стала чаще оставаться дома одна. Больше всего она любила читать классиков литературы или книги по детской психологии.

Она написала две книги, одну — о жизни Бернара Палисси, иллюстрированную его лучшими работами из коллекции моего отца, другую, по совету своего зятя Гриши Пятигорского, — о Луиджи Боккерини. (Гриша, большой весельчак, говоривший всю жизнь с заметным русским акцентом, потерял свою семью на родине, в России. Он обрел в нас новую семью, называл нашу маму «Бабушка» — так впоследствии стали называть ее и мои дети. Гриша предпочитал жить в Америке; они с моей сестрой Жаклин обосновались в Лос-Анджелесе.)

Наша мама, любимая и уважаемая в обществе за элегантность манер, за великодушие в дружбе и за безупречное поведение, — эта гранд-дама умерла в возрасте девяноста одного года, после четырех лет тяжелой болезни.

* * *

Сегодня это может показаться удивительным, но меня несколько не волновало то, что я был сыном Ротшильда.

Причиной этого был иной, нежели сегодня, менталитет, ибо тогда быть богатым и иметь деньги не было зазорно. Богатые строили замки, покупали предметы искусства и старины, словом, жили на широкую ногу и не боялись казаться тем, кем были, — богатыми людьми. Они не чувствовали себя виноватыми, ибо никто и не думал осуждать их лишь за то, что они богаты.

Социальные различия между людьми в то время были гораздо более ощутимы, нежели сегодня, но я их гораздо меньше ощущал, потому что общественные иерархии выстраивались тогда не только и не столько по денежным меркам. Во времена, когда царило относительное спокойствие, каждый инстинктивно стремился занять ту социальную нишу, которая была ему ближе всего. «Светские люди», например, — никто не вкладывал тогда в это выражение того фривольного оттенка, какой оно приобрело сегодня, — осознавали свою привилегированность, стремились быть более «воспитанными», более «изысканными», более «рафинированными». И поэтому даже сам миф о Ротшильдах, в котором соединились деньги, роскошь и власть, представлялся несколько иным, нежели сегодня.

Уже моим детям в лицее или в университете приходилось слышать нечто такое на этот счет, о чем мне не доводилось слышать. Да и, по правде говоря, мне тоже не суждено было вечно пребывать в неведении по поводу своей привилегированности. Настал день, когда я вдруг понял, что мои отец и мать — король и королева этого небольшого привилегированного мира. Я вдруг увидел в новом свете элегантность моего отца, туалеты моей матери, их экипажи и выезды, эту толпу людей, которые зависели от них, крутились вокруг них, всю эту роскошь, которой дышала их жизнь.

Когда я переступил через порог своего восемнадцатилетия, мне открылся новый мир — мир светской жизни. Я никогда не забуду первого большого обеда, который давали мои родители, и на котором мне было дозволено присутствовать. Почетным гостем был Раймон Пуанкаре, а всего, как обычно, было около сорока приглашенных.

Когда мне на глаза попались меню наших обедов тех времен, я не поверил своим глазам: начинали двумя супами — одним прозрачным и другим протертым; на заку-